

М.Н. ЭПШТЕЙН ОБ ЭКОЛОГИИ ТЕКСТА И ЕЕ ПЕРСПЕКТИВАХ

В.И. Шаховский

Рассматривается эпштейновское толкование проблемы лингвистики текста с учетом его белых пространств (белое пятно / текст / « »). Анализируется расширительное толкование терминопонятия «экология». Уделяется особое внимание изучению экологии речи, которое тоже является текстом. Подчеркивается место культуры и эмоций в экологии всех видов текста (перечисляется их номенклатура), указываются разновидности экологий человека, его языка, его культуры; текста во всех своих многообразиях и многоликостях коммуникативных сред. Объясняется наглядно широкая экспансия термина «экология» во все виды человеческой жизнедеятельности, что является основной целью данного исследования. Выделены более существенные социальные поля, аффилируемые с экологией, и частично проведено их языковое картирование. Затрагивается проблема искусственного интеллекта, его эмоционализация и экологизация, а также перечисляются наиболее значимые научно-технические достижения, оказывающие влияние на природо- и человекосферы. Проводится краткий экскурс в историю возникновения и формирования текстолингвистики для контрастирования с ее современными открытиями и распространенностью. Основные положения статьи иллюстрируются текстовыми сюжетами различной длины в сопровождении комментариев. Иллюстрации взяты из СМИ, художественной, публицистической современной литературы, в том числе и из прошлых эпох. Не обделена вниманием и современная школьная экология, ее методика и ее дидактические тексты, акцентируется внимание экологии их смыслов. Поднимается вопрос об экологической доминанте социального общества. Проводится краткая дискуссия с некоторыми принципиальными позициями М.М. Эпштейна с целью демонстрации неоднозначного подхода к его мнению.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: экология, текстоллингвистика, коммуникативная среда, экосфера, человекосфера, текстосфера, экспансия, экология смысла, социальные поля, экологическая доминанта

ШАХОВСКИЙ Виктор Иванович – доктор филологических наук, заслуженный деятель науки РФ, профессор, главный научный сотрудник Института иностранных языков Волгоградского государственного социально-педагогического университета, профессор кафедры языкознания Волгоградского государственного социально-педагогического университета.
shakhovsky2007@yandex.ru

Цитирование: Шаховский В.И. М.Н. Эпштейн об экологии текста и ее перспективах [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2021, № 1. – С. 141–175. Режим доступа: www.tverlingua.ru

M.N. EPSTEIN. TEXT ECOLOGY AND ITS PROSPECTS

Victor I. Shakhovsky

Considered Epstein's interpretation of the problem of text linguistics while taking into account its white spaces (white spot / text / « »). Analyzed an extended interpretation of the term "ecology". Attention is drawn to the study of the ecology of speech, which is also a text. The author emphasizes the place of culture and emotions in the ecology of all types of text (lists their nomenclature), points out the varieties of human ecology, its language, its culture, the text in all its varieties and in all the multiplicities of communicative environments. Explained the broad expansion of the term "ecology" into all types of human activity, which is the main goal of this study. Identified more significant social fields that are associated with ecology, and partly carried out their language mapping. The article also deals with the problem of artificial intelligence and its emotionalization and ecoligization, as well as lists the most significant scientific and technical achievements that have a huge impact on the natural and human spheres. Given a brief excursion into the history of the origin and formation of textolinguistics i to

contrast with its modern discoveries and extension. The main tasks of the article are done with text stories of various lengths accompanied by comments. The illustrations are taken from the media, fiction, and publicistic modern literature, including from past eras. Modern school ecology, its methodology and its didactic texts are not ignored by the author and clarified the ecology of their meaning and sense of their context. A question raised about ecological dominant of social society is. Held a brief discussion with some M. M. Epstein's principal positions in order to demonstrate an ambiguous approach to his opinion.

KEY WORDS: ecology, textolinguistics, communicative environment, ecosphere, humanosphere, textual sphere, expansion, ecology of meaning, social fields, ecological dominant

SHAHOVSKY Victor I. – DSc in Philology, professor, Honored Scientist of the Russian Federation, professor, chief researcher of Volgograd State Social-Pedagogical University, Professor of the department of linguistics of Volgograd State Social-Pedagogical University. shakhovsky2007@yandex.ru

Citation: Shahovsky V.I. M.N. Epstein. Text ecology and its prospects [Electronic resource] // World of linguistics and communication: electronic scientific journal. – 2021, № 1. – P. 141–175. Access mode: www.tverlingua.ru

Зачем людям язык, если от него одни беды?

*— Во-первых, чтобы врать. Во-вторых, чтобы ранить
друг друга шипами ядовитых слов.*

В-третьих, чтобы рассуждать о том, чего нет.

В.Пелевин. Священная книга оборотня

Введение

Разные социальные сети, в конечном счете, объединяют людей так же, как общие знания, через их межпоколенную трансляцию. И это единство при всём его многообразии не всегда экологично. Именно поэтому я уверен, что

только через правильное научное отношение к Экологии, расширительному осмыслению этой словоформы и её экстраполяции на всю деятельность человека (от мыслительной до акциональной) произойдет объединение людей в одно сообщество, имя которому – Земля. Отсюда и глобализационные процессы, сближение культур, этнических традиций, политических убеждений: Евразия, Евросоюз, конфедерации, культурные мосты, народная дипломатия, ООН и мн.др.

Особенно заметна стала глобализация на фоне пандемии COVID -19. Оказалось, что мы обитаем на маленькой планете, и одно кривое горе стало объединяющим фактором, который теперь выравнивает все страны перед общей проблемой: везде заболевают, везде умирают, везде пытаются этому горю противостоять, но по-разному. Международные организации стягивают разноречия в единство, хотя многие и упираются, но природа всё равно победит человеческий эгоизм. Данный процесс зависит от богатства, совести властей, культуры населения, в том числе и экологической, уровня знаний, пропаганды (Шаховский, 2017).

Главная мысль данной работы — прийти к человеческому единению во всех сферах деятельности через Экологию. В этом я вижу экологическую универсалию человечества и сведение его к единому смыслу разумного сосуществования. Пока что *homo sapiens* неразумен, тем самым препятствует самому себе прийти к обозначенному выше единству. Прежде всего, это происходит из-за человеческих эмоций, выполняющих смыслоинтегрирующую функцию. Но, увы, далеко не всегда экологичную.

В ряде работ М.Н. Эпштейн уделяет большое внимание всем аспектам термина «экология»: «экология» как сохранение природы, «экология» слова и текста, «экология» общения людей друг с другом. Кроме того, лингвофилософ выявил совершенно неожиданное явление, существующее с момента книгопечатания – белые пространства / пустоты в тексте. Он обратил внимание текстологов и текстолингвистов на экологию данного

явления, которое также называют «белые пятна», и символически « » (Эпштейн, 1997).

Исследовательская часть

В «Наброски к экологии текста» М.Н. Эпштейн пишет: «Предмет экологии, то есть природа в качестве среды обитания, создан долгим, многовековым развитием культуры, которая “расприроднивала” человека и оттесняла природу на периферию существования, превращала природу из самосушей и вездесущей реальности в “окружающую среду”, в “экологический фактор”» (Эпштейн, 1997). Как видно из приведенной цитаты, проблема экологии изучается почти всеми существующими в современном мире науками. Экология расширила своё понимание природы как среды обитания человека и свою функцию – сохранение природы. Наиболее подробно семантическое и функциональное расширение термина «экология» разработано и описано современной теорией языка в рамках научной парадигмы «лингвистика эмоций (эмотиология)» и её ответвлением — Эмотивная Лингвоэкология (Эмотивная лингвоэкология..., 2013).

Если вкратце, то экологическая функция языка тесно взаимодействует с экологией человека говорящего и его эмоциональным пространством, т.к. эмоции – неотъемлемая часть человека и его среды обитания. Таким образом, нельзя не согласиться с М.Н. Эпштейном, что «Экология – это не естественная, а гуманитарная наука, предмет которой – природа перед лицом культуры, точнее, природа как порождение и инобытие культуры» (Эпштейн, 1997). А самой гуманитарной наукой является лингвистика. Вот почему я уже давно высказал мысль о том, что современное языкознание является самой главной из всех наук: оно объединяет все человеческие проблемы, обобщает полученные разными науками результаты, фиксирует их в письменной форме и осуществляет их межпоколенное транслирование.

Из дальнейших рассуждений Эпштейна следует, что предмет экологии – природа перед лицом культуры, точнее, природа как порождение и

инобытие культуры. Конечно же, это достаточно обобщенное понимание предмета экологии, и в нём можно выделить конкретные проблемы этого предмета, конкретные функции, конкретные дискурсы / коммуникативные среды, научные парадигмы. Одной из важнейших проблем экологии языка и человека является проблема её параметризации. Не раз уделялось большое внимание многих вузовских лингвистов к различным проблемам человеческой и языковой экологии. Созданы многочисленные лингвоэкологические школы, регулярно проводятся региональные, всероссийские и международные конференции, публикуются их материалы. Назовём такие города: Волгоград, Астрахань, Тамбов, Саратов, Пенза, Красноярск, Москва и др. Такое усиленное внимание к гуманитарной проблеме экологии объясняется её социальным и (анти)терапевтическим фактором. И есть надежда, что результаты такого внимания, прежде всего лингвистов, окажут положительное влияние на экономику, политику, здравоохранение и на другие сферы деятельности государства.

Итак, экология изучает первоначально природосферу, её состояние, сохранение, совершенствование, адаптацию, которая ведет к более комфортной жизни человека. Но этими проблемами содержание понятия «экология» далеко не ограничивается. Человек является частью природы и, следовательно, он тоже может быть экологичен / неэкологичен (в новой терминологии – токсичен). У человека есть язык, с помощью которого он общается с социумом в большинстве случаев по-разному (речь обиходная, бытовая, социальная, художественная, институциональная и др.). В этом отношении понятие «экология» применимо и к самому человеку, и к его языку и, соответственно, к произведенным текстам. Я считаю, любое общение может быть неэкологичным, поскольку стремление каждого пользователя языка к овладению эколого-смысловой компетенцией является трудновыполнимой в настоящее время дидактической и

самообразовательной задачей. По этой причине так велика роль экологии текста.

Кроме этого, человек обладает не только языком, сознанием, мышлением, но и богатой палитрой эмоций, эмоциональных состояний и переживаний. До настоящего времени ни психологи, ни лингвисты, ни физиологи так и не смогли составить словарь эмоций и четко разграничить эмоции и чувства. Все работы на эти темы выполняются с различной степенью аппроксимации уровня знаний. Отсюда – еще одна очень серьезная и жизненно важная проблема экологии эмоций. Получается, что за термином «экология» стоит много объектов – ее референтов как объектов изучения.

М. Эпштейн считает, что есть смысловые поля интенциональности за пределами текста. Такая точка зрения вызывает вопросы: вместо текста или между текстами? для домысливания / обдумывания / осмысления / рефлексии? Ни на один из этих вопросов пока ответов нет. Именно поэтому изучение упомянутой работы М.Н. Эпштейна является очень перспективным для углубления в семасиологическое пространство любого текста.

Термин «экология» получил расширенное толкование в нынешнюю эпоху. Данный процесс экстраполяции конкретного термина на чужие научные территории известен давно: многие науки «стреляют» термины друг у друга (мелиорация, инвазия, стиль, колония, контакты, жук / жучок и др.). А термин «экология», естественно, сначала проник в культурологию, ибо культура тоже может быть как экологичной, так и неэкологичной, в культуру речи, лингвистику как науку о языке и науку об использовании языка в многочисленных научных коммуникативных средах (Головин, 1988; Лихачев, 2000; Сиротинина, 2000; Шаховский, 2020а). Этот факт связан с тем, что лингвистика изучает не только слово, но и тексты во всем их многообразии как качественном, так и количественном. Например, все тексты Л. Н. Толстого, Кинга, Диккенса, Акунина, а также в глобальном смысле все существующие тексты, созданные в разные времена и эпохи (от

монокриптов, вед, первопечатных, комиксов до цифровых текстов), формируют единый «мегатекст» необъятного размера, который становится виртуальным.

Современный конструктивизм признает право применять понятие «экология» не только в лингвистике, лингвоконцептуологии, лингвокультурологии, но и в лингвоэкологии, медиалогии, медицине (например, проблема эмпатии врача к пациенту), педагогике (экология взаимоотношения учитель-ученик, учитель-родители), биологии (экологический образ жизни), социологии (экология общества, государства и народа, особенно в институциональном общении власти с народом и, наоборот, народа с властью), философии (поиск смысла жизни, особенно экологичной). По мнению В. Пелевина, «никаких философских проблем нет, есть только анфилада лингвистических тупиков, вызванных неспособностью языка отразить истину» (Пелевин, 2015).

Такая экспансия термина «экология» объясняется тем, что понятие является объединяющим все перечисленные науки в единую науку, имя которой Человековедение. А поскольку человек – часть природы, язык – часть человека, то вполне естественно говорить об экологии человека и его языка, а также культуры человека и его языка.

Несомненно, термин «экология» связан с термином «климатология», а этот последний в 2019 году стал тесно ассоциироваться с персоной Греты Тунберг. Эта 16-летняя девочка сумела повернуть к своему лицу всю мировую общественность и привлечь внимание к современному состоянию экологии на планете. Своими выступлениями она смогла запустить обширное социальное поле терминов и понятий, связанных с глобальным потеплением и с его очень серьезными последствиями для дальнейшего существования жизни на Земле.

Глобальное потепление вызвало появление новой науки – Климатологии, и новых креативов. Перечислим некоторые: “зелёные”, битва

за экологию, климатическое оружие, климатические протесты / катастрофы, климатическая повестка / забастовка / революция, климатгейт, городской климат, климатические активисты, климатические хунвейбины, климатюки, климатическая экология и др. С климатическими проблемами тесно связаны проблемы такой науки как экология, объектами которой стали все научные проблемы, включая и коммуникативные. Экология стала топиальной, что вызвало появление следующих креативных терминов: *экологичные отношения людей, (анти) экологический беспредел, экология этнического менталитета, экологический рейтинг* и др. Особую эколого-коммуникативную проблему составляет такая новая истина, как бытового мусора. В связи с этим в языковом фонде, и, возможно, в коде отражены креативные термины: *мусорные полигоны / бунты / протесты / короли / реформы, антимусорные протесты, переработка мусора, мусорная монополия* и др. Появились новые научные направления: Экология языка, Лингвоэкология, Эмотивная лингвоэкология, Лингвокультура, Экология педагогики / медицины / философии / экономики (Эмотивная лингвоэкология..., 2013).

Приведу всего лишь несколько терминов и понятий, которые активно функционируют в Интернет-среде и публичных выступлениях не только климатологов, экологов, политиков, но и в художественных произведениях, обиходном общении людей: *эко шок, экострофа, Экология информационных технологий, экопроблема, нац. проект «Эко», экологические новости (Хорда, Шиш), эко алармисты; эко.проекты, климатические изменения (глобальное потепление), экологизация всех наук, экология души, климатгейт, климатические протесты, экопротесты, экологическая ниша, партия «Зеленых»* и др. Данный список можно считать картированием социального поля по теме «Экология» или пазлом языковой картины российского мира 20-х годов XXI века. Его обширность указывает, до какой степени как планетарный мир, так и российский запустил самую

главную проблему, связанную со средой своего бытия и влияющего не только на здоровье всей планеты, но и отдельного жителя на ней.

Научно-технический прогресс привел к значительным изменениям в жизни человека говорящего. Возникла цифровая империя и, соответственно, новая коммуникативная среда – *информационная, Интернет / кибер-среда, глобальная компьютеризация*; произошли цифровые трансформации. Например, в цифровом мире – *цифровые приборы / предметы, цифровое ТВ, цифровая экономика, цифровая валюта, биткойн*; искусственный интеллект: *Алиса, Сири, Андрей* и др. (в объективной реальности), *Роберт, Блэйн, Уинстон, Энди* и др. (в художественной реальности); ментальный прыжок к роботизации: *роботы-проповедники, домработники, кассиры, шоферы, няни, дроны, беспилотники, киберы, киберные атаки, трансформеры* и др. Каждая из этих номинаций — слово или словосочетание — является специфическим текстом: научно-познавательным или научно-техническим описанием, иногда с анализом, историей и даже перспективами. Естественно, что в разных текстах эти номинации разные по длине, сложности и насыщенности информемами. Но каждое из этих слов-названий несомненно является текстом.

К научным достижениям относятся вышеупомянутые социальные сети (*ВКонтакте, Одноклассники, Facebook*), видеохостинги (*YouTube, TikTok, Vimeo* и др.), мессенджеры (*WhatsApp, Viber, Telegram, Kissenger* и др.), электронная почта (*Mail, Yandex, Gmail, Rambler, Yahoo* и др.), которые не всегда представляют пользователю экологичные тексты и нередко являются токсичными, антитерапевтическими, и поэтому травматичными для психики. А ведь все они – тексты определенного качества и объема, поэтому тоже входят в перечень объектов экологических исследований. Возникновение новых технических реалий также привело человека к эмоциональным позитивным и негативным реакциям: *хакерство, спам, взломы электронной почты, социальных сетей, сайтов, фейки, хайп, драйв, кайф, хайпф (хайп +*

кайф), хайперы хакеры, франки, фрики, интернет-мошенники, интернет-защита, хейтеры и др.

Долгое время лингвистика считала слово основной единицей языка, а коммуникология перешла от такого понимания единиц общения к фразе, потом к предложению, от предложения к тексту, а затем и к образу, ведь в процессе общения люди обмениваются картинками (гештальт, инообраз). Т.Н.Черниговская считает, что мы общаемся друг с другом мыслями и, соответственно, смыслами, комбинациями пазлов, которые передают информацию (Познер, 2016).

Краткий экскурс в историю текстолингвистики

В 80-х годах прошлого века в больших трудностях родилась и стала формироваться текстолингвистика. Большое сопротивление появлению новой парадигмы науки оказывал, как ни странно, академик Будагов Р.А и его ученик Кривоносов А.Т., о чем очень подробно и эмоционально написал Ю.А. Сорокин (Сорокин, 1998). Так, А.Т. Кривоносов писал: «..очередным этапом лингвистических заблуждений... у своего объекта... “лингвистика текста” не нашла... никаких... структурно-семантических признаков (она запуталась даже в том, что в языкознании давно известно)»; в ней «...преподносятся...некоторые давно известные истины», она «...некий конгломерат наук, решающий несвойственные истинному языкознанию проблемы»; «лингвистика текста» – это бесплодные идеи «несостоявшейся науки», «лингвистика текста» – это бегство от эмпирического материала языка в его живом функционировании...»; (Кривоносов, 1986: 23-31).

Выше я привел из работы Ю.А.Сорокина те цитаты А.Т.Кривоносова, которые подробно и критически осмысляются в статье Сорокина, защищающая становления новой отрасли познания текстов. Статья Сорокина очень сердита и по форме, и по содержанию, которое защищает текстолингвистику и дает ей «зеленый свет». Эта критика своевременно

поддержала текстоллингвистику, и она получила достойный расцвет. Многочисленные исследования позволили познать глубины смыслов, широту структур и множества лингвистических и экстралингвистических факторов текста (Эко, 1988).

Вопреки яростному сопротивлению сторонников Будагова, текстоллингвистика не только успешно родилась, но и сразу же получила всемирное признание и успешно развивается до сих пор (см. пример Новиков, 2007). В данном исследовании мне хотелось бы остановиться на более понятном всем (и лингвистам, и специалистам) способе общения через текст. Имеются ввиду все виды и форматы текстов: печатные, непечатные, виртуальные, цифровые, тексты социальных сетей и т.п.. Получается, что человек постоянно и везде окружен текстами, и он не может не задевать их, вращаясь среди них: все слова тысячами нитей связаны друг с другом ассоциативно. Равно как и все тексты. Вот почему все последующие тексты лучше понимаются на фоне предыдущих. Это объясняется их интертекстуальностью.

Лингвистика текста долго не может ответить на вопрос, что считать текстом: слово, синтагму, ФЕ, предложение? Утверждается, что даже отдельное слово, зафиксированное в словаре, является текстом. Это же слово является различными текстами в различных коммуникативных ситуациях, включая и эмоциональные, которыми изобилует обиходная речь, а в современное время и деловая, официальная, политическая и дипломатическая. Более того, если раньше лингвистика, и в частности фразеология, разграничивала свободные словосочетания, фразеологические, идеоматические и др., то с некоторых пор практически каждое слово может рассматриваться как идиома, т.к. разные говорящие вкладывают в него свою собственную прагматику в виде смысловых конкретизаторов. Каждое слово также может рассматриваться и как целый текст, особенно за счет его возможных коннотаций и ассоциаций.

Лингвистика текста пошла дальше и в качестве текста стала считать все предметы мира, объекты природы (река, ручей, лес, гора, небо и т.д.) и самого человека: каждый из нас – особый текст, который может читаться и не читаться для разных адресатов (см. пример О женщине как тексте: Пузырев, 1995; Пузырев, www). Метафора «женщина – текст» заставляет осознать чрезвычайную многослойность феномена женщины, и этот план для осмысления мне представляется наиболее интересным. Если к феномену женщины обратиться с позиций названного алгоритма научного исследования, то придётся выделить в нем не менее 20-ти относительно самостоятельных аспектов. Сейчас, в эпоху бурно протекающей в России сексуальной революции, уже никого не удивить суждением о бисексуальности человека или – что терминологически более точно – об андрогинном начале человека. Мужское и женское – это два начала, присутствующие в каждом человеке в различных пропорциях. Женщины оплодотворяют нас, мужчин, интеллектуально. И это, думается, самое большое наше мужское самооправдание в извечном стремлении к Мудрости, к Истине, к Женщине. В упомянутой статье А.В. Пузырев проводит физиологическое, сексуальное, ментальное, экзотерическое сопоставление женщины с мужчиной, особое внимание уделяет многослойности текстуального аспекта смысла слова женщина как текст. Он указывает на превосходство этого текста над текстом мужчины, с чем можно не согласиться. Все ситуативно.

Сравним два текста: «волшебник В.Е.Чуров» и «весь суд – театр». Каждая из этих двух синтагм может быть развернута в очень длинный текст, а изначально у каждой из них есть конкретный референт, в виде конкретной персоны и конкретного события. Для разных читателей оба текста могут казаться бессмысленными по нескольким причинам: В.Е. Чуров – предшественник Э.А. Памфиловой на посту ЦИК, и он и связанные с ним события уже в памяти прошлого поколения, и многие его уже не помнят.

Э.А. Памфилова провела три последних выбора и, так называемое, всенародное голосование по поправкам к Конституции РФ. Для разновозрастных избирателей фамилия В.Е. Чуров может быть неизвестна, поэтому первый текст неинформативен. А фамилия Э.А. Памфиловой вызывает у разных слоев сегодняшнего электората противоречивые чувства. Негативные эмоции переживаются моим поколением и в связи с фамилией В.Е. Чурова. Перед нами – мужчина как текст и женщина как текст и в зависимости от социально-политических ассоциаций – это разноплановые или равноплановые смысло-тексты в целом для электоральной России.

Что же касается текста «весь суд – театр», то, с одной стороны, это – аллюзия шекспировской «весь мир – театр», которая является кодовой культуремой. С другой стороны, этот текст ассоциативно-коннотативен только с трехлетним судебным процессом над талантливейшим режиссером Кириллом Серебренниковым и его коллегами. И только для тех людей, которые следили за этим процессом и переживали его. А судья Масляева, которая читала в течение пяти часов текст обвинительного заключения, действительно представляет собой многослойный и достаточно бессмысленный текст, не стыкующийся с текстом приговора. Поэтому данный судебный процесс и сравнивается с вышеприведенным мемом «весь суд – театр». В первом же случае В.Е.Чуров назван волшебником, и этот мем эксплицирует его суперспособности к манипулированию подведением итогов голосования: «...неважно, как голосуют, важно, как считают голоса».

Э. А. Памфилова войдет в историю своей фразой, которая уже тоже стала мемом: отвечая на изумленные вопросы электората «Как можно голосовать одной галочкой за 206 поправок?», Элла Александровна остроумно ответила: «Но вы же не выбрасываете из комплексного обеда какое-то блюдо, вы же берете сразу весь комплексный обед». Этим ответом Э.А. Памфилова запомнится сегодняшнему электорату. Она будет межпоколенно транслироваться вертикально в истории выборов. Но не как

отдельная фраза, а как фраза – текст, описывающий всю ситуацию всенародного голосования по изменению Конституции в 2020 году. А позже Э.А. Памфилова прославиться и ещё одним мемом — трехдневным голосованием на всех дальнейших выборах.

Соответственно, и ребенок, и женщина, и мужчина, и животные рассматриваются как отдельные тексты. В то же время Лингвоконцептологи предложили имена всех городов, рек, стран и т.д. тоже считать текстами. Аналогично – с именами авторитетных и известных людей. Например, имя Пушкин вызывает в коммуникативном сознании все когнитивно-эмотивные ассоциации со знаниями каждого коммуниканта об этом великом человеке. А после прочтения романа А.В. Минкина «Немой Онегин» количество ассоциаций и знаний об А.С. Пушкине многократно умножаются и превращаются в огромное когнитивное поле как текст без границ об этом гении в отечественной и всемирной поэзии. Вот другой пример: Трамп как текст. Смысл его текста колеблется от фразы «Трамп наш» до фразы «Трамп не наш». И не только, т.к. он является источником бесчисленных экстравагантных и трагичных событий не только для Америки, но и для всего мира. И сегодня ещё не видно конца текста по имени «Трамп».

Если же объединить все тексты мировой художественной литературы, все разножанровые тексты разных народов и разных языков в один планетарно глобальный текст, то мы получим условно названный супер-мега-сверх текст. А если исходить из того, что все тексты в основном посвящены всего лишь трем проблемам: «Жизнь», «Любовь», «Смерть», то все тексты интертекстуальны, особенно в эмоциональной сфере. Аналогично и с техническими текстами, которые в связи с бесконечным развитием научных технологий получают всю новую и новую тематику. Например, освоение космоса, создание искусственного интеллекта с эмоциональным интерфейсом, геномное редактирование. И все они имеют многоликую

экологичность, по-разному воздействующую на психоэмоциональную сферу человека.

Поскольку прагматика говорящего и прагматика слушающего разная, у различных коммуникантов и знания также могут различаться (при наличии общего знания, а в современную эпоху таких знаний у молодого поколения нет). Отсюда возникают серьезные проблемы в экологии межперсонального, группового, и, особенно, институционального общения. При этом все эти типы общения осуществляются с помощью текстов, а любое слово – всегда текст.

Слово – не только текст, но и таксон культуры. Еще академик Д.С.Лихачев впервые поднял вопрос об экологии культуры и об экологии слова как ее таксона (Лихачев, 2000). Многие лингвисты, особенно речеведы, писали в XIX и XX вв. о культуре речи (Головин, 1988; Сиротинина, 2000). Но никто из них не поднимал проблемы экологии общения, которая в наше время приобрела особую значимость в силу равности веб-общения, особенно в социальных сетях.

Если перейти от современных социальных сетей к общеизвестным литературным источникам, то возникает ряд вопросов об экологии общения человечества разных эпох. Пожалуйста, Читатель, попробуйте вытащить глубинные смыслы на поверхность из антитезы Пушкина в «Евгении Онегине»: «Нравственность в природе вещей. Безнравственность в природе вещей». Еще одним примером свёрнутого смысла, иногда очень упакованного, предуведомляющего какой-либо текст, является эпиграф. По словам А.В. Минкина, эпиграф сообщает важнейшую мысль, главную идею сочинения; иногда прямо, иногда намёком; но всегда это – камертон, который должен настроить читателя на верную ноту (конечно, если слух есть). Такой идеей и темой является главный смысл текста. Иногда же эпиграф «лепят» к тексту просто из-за красоты его слога. И он дезориентирует читателя в смысловой интерпретации текста, т.е. искажает

его смысл, контрастирует с ним. Но чаще всего эпитафия является предупреждением к тексту, его глубинным смыслом. Бывают и другие ложные смыслы, иногда намеренные, запутывающие читателя, слушателя, иногда уводящие с «highway» основного текста. Такую же роль выполняют и различные формы и виды смысловой игры, что наблюдается в некоторых стилистических средствах, тропах, а также намеренных смысловых искажениях в креативах (*экологическая полиция, скрытые смыслы, наведение смыслов, примыкание / пресмыкание членов предложения; приятный, огненный / горячий смысл, холодный, дурнопахнущий смысл; рейтинг хамства, птичий гвалт (ток-шоу), смысловой конвой высказывания, токсичный смысл*).

Давним примером народной этимологии является речение деда Щукаря («Поднятая целина» М. Шолохова) в его разговоре с М. Нагульниковым в ночной засаде: «“Акварель” — это хорошая девка, так я соображаю, а “бордюр” — вовсе даже наоборот, это не что иное, как гулящая баба, “антресоли” крутить — это и есть самая твоя любовь...». Таково индивидуальное понимание смыслов непонятных ему иноязычных слов. По сути, такое толкование «инновационных» номинаций давно существующих реалий остается бытующим до сих пор для основного населения страны. Именно поэтому надо различать текст, его содержание, его глубинный смысл и его различные интерпретирования. Соответственно, будет различна градация их экологичности для разных пользователей одного и того же текста. Отсюда и трудность унифицирования экологичности текста, сведение её к коллективной идентификации. Известно, что любое значение складывается из смыслов, зависящих от экологии ситуации общения: темы, речевых партнёров, их эмоциональных переживаний и мн. др.

Интересным является современное противопоставление текстов научной и школьной (практической) грамматики, т.к. смысловой контент передается не только через лексемы / ФЕ, но и через грамматику в обеих ее

частях. Так, Борис Иомдин считает, что правила, изложенные в учебниках, отражают не весь язык: «В школе был простой русский язык, а здесь мы говорим правду» (Иомдин, www).

Напомню:

1. В школе выделяют 6 падежей, а лингвисты выделяют ещё 3: местный (говорим о лесе, но находимся в лесу), партитивный (стоимость чая, стакан чаю), звательный (мам, Вась) - это грамматические различия смысла, значения.

2. 12 частей речи (какая часть речи у «на» / «нате» в предложении «На тебе тетрадь»): смысл понятен, а часть речи нет).

3. Часть речи может быть определена по смыслу, форме: бежевый прилагательное, а беж? Смысл тот же, а по форме оно прилагательным не является (например, *цвет беж*).

4. «*“Я бывают разные”*, – сказал Кролик Винни-пуху». Кролик прав, так как значение любого слова говорящий варьирует конкретные смыслы в конкретных ситуациях.

5. Тысяча, миллион, миллиард раз: по форме это число, а по смыслу это «очень много» и данные числительные близки к существительным.

6. К каким частям речи отнести такие слова как «спасибо», «конечно», «нет» и т.п.?

Б. Иомдин говорит, что однозначного ответа на эти вопросы нет, и для школьников с практической точки зрения разделение грамматики на теоретическую и практическую для школьников не имеет никакого смысла: для них важнее минимум практических знаний. Он также замечает, что слово «вилка» имеет много смыслов, и они разные, например, в таких словосочетаниях как: *вилка столовая; электрическая вилка; шахматная вилка*. А также в значении «разброс»: *вилка зарплат, вилка значений* и др. (Иомдин, www).

Согласно данным примерам, язык более многообразен, чем представляет его школьная программа. Он неоднозначен и имеет много промежуточных смыслов. Знание научной грамматики совершенно необязательно, чтобы осуществлять коммуникацию текстами. Еще одним подтверждением правильности этой мысли является категория смысловой аппроксимации, т.е. отсутствие четкости в конкретизаторе смысла. Вот почему родители и другие взрослые часто не понимают задания из нынешней школьной программы. В связи с этим они даже не могут понять друг друга. Об этом свидетельствуют неэкологичные переписки и подслушанные разговоры между родителями учеников и учителями по вопросам школьных заданий. Данное утверждение могу подтвердить примером из собственной жизни: мой внук – ученик, а моя дочь – его мать, и она мне иногда дает послушать разговоры и эмоциональные рефлексивы участников этих разговоров, которые очень и очень неэкологичные. Это еще раз свидетельствует о том, какую огромную роль играет экологический компонент в человеческой коммуникации.

Убеждение, воздействие – это речевые акты, влияющие на действия человека, на его смысловое поведение, которое очень часто трудно декодировать и которое приводит к различным экологическим проблемам общения. По мнению В.З.Демьянкова, триада «Убеждение, Воздействие, Действие» начинена смыслами, которые субъективны как для адресанта, так и для того, кто слушает (прямой адресат) или / и наблюдает (непрямой адресат). Для прямого и для непрямого адресатов смыслы этой триады могут не совпадать. Точно так же как для адресанта и адресата: их прагматика никогда не совпадает полностью, т.к. значение и смыслы в их головах не идентичны. Это аксиома теории прагматики (Образы языка..., 2018).

Из коммуникативной практики, особенно обиходной, каждый из нас знает, что чаще более значимо не то, что сказано, а то, как. Смысловые экологические эффекты речепроизводства действительно зависят от 5

правил: 1) of whom we speak; 2) to whom we speak; 3) and how; 4) and when; 5) and where. Это основные составляющие ситуации общения, влияющие на смысловой эффект, на экологию восприятия и понимания смысла сказанного. Такая ситуация прямо связана с мнением Марка Аврелия о том, что возможно говорить истину в том виде, в какой вы ее видите, но более важно то, как вы это делаете. Все смыслы значимы здесь и сейчас. Именно поэтому прошлогодние газеты, прошлогодние тексты и Интернет-контент, выпадая из смыслового пространства of the then time, порой обесмысленны, т.к. не соотносятся с реальностью. Это одна точка зрения. Но есть и другая.

Так, на радио «Эхо Москвы» существует передача «Время Белковского», в которой автор рассматривает события прошлого, произошедшие в конкретный день в сопоставлении с текущими событиями сегодняшнего дня. Доказывается, что история все время повторяется и практически во всех событиях сегодняшнего дня четко просматриваются смыслы соответствующих событий прошлых лет, и что смысл сегодняшних событий легче понять и объяснить при соотнесении минувшего и нынешнего. Но эти события различаются экологичностью ситуаций, поэтому можно ввести в обиход еще и такой термин: «экологема», т.е. экология коммуникативной ситуации, экология временной эпохи, имея ввиду не Природосферу, а Речесферу и Человеческую сферу. С другой стороны, сегодняшнему поколению почти всегда непонятны мотивы и смыслы действий прошлого в аналогичных ситуациях. Отсюда и различия в суждениях и оценках действий и решений предыдущих руководителей. Мне кажется, что практически невозможно объективно осуждать, т.к. все ситуативно, а многие мотивы эмоциональны. И с течением времени их смыслы размываются и не понимаются. По крайней мере, не всеми одинаково. Может быть, поэтому и следует помнить заповедь: «Не судите да не судимы будете». Пример с передачей Белковского ещё раз подтверждает, что все тексты интертекстуальны, а их экологичность ситуативно

прикреплена. По этой причине вряд ли умно / экологично заниматься «ленинопадством» и крушением исторических памятников, что наблюдается сейчас в ряде стран.

Один и тот же номинант может называться по-разному, а одно имя работать на другое и наполнять его значение разными смыслами, которые динамичны, как и сам номинат. Ср.: «авторитет и имидж»: у разных речевых партнеров разные авторитеты / имиджи. Чем авторитетнее говорящий, тем более значимы по смыслам его слова и тексты, даже если он сознательно искажает правду, ему верят безоговорочно. Имиджевые потери снижают авторитетность слова того же самого человека, если его ловят на постоянной лжи, а он продолжает и продолжает лгать. Нечто аналогичное происходит наиболее заметно с некоторыми журналистами и политиками (Шаховский, 2019).

Меняется смысл слова также и в диахронии. Причем это касается всех лингвокультур. Например, в шекспировских драмах и комедиях некоторые слова поменяли свои смыслы на противоположные (nice, shrewd, etc.). В русском языке почти все советизмы приобрели негативный смысл. Этот процесс начался в эпоху перестройки, резко эволюционировал в период распада СССР и продолжается до сих пор. И поэтому все тексты с такими словами в новую эпоху читаются по-иному и, соответственно, их экологичность тоже меняется. Следует подчеркнуть связь между событием, его временем, его словесным описанием, его интерпретациями и его экологичностью: «всё течёт, всё изменяется».

Вышеприведенное рассуждение, а также иллюстративные примеры и их комментарии подчеркивают, что интерпретации текста любого размера зависят как от личной экологической культуры интерпретатора, так и от доминирующей экологии культуры социума. То есть экология текста, которой столь пристальное внимание уделил М.Н. Эпштейн, напрямую связано с экологией культуры социума и, так называемой, коллективной

идентификацией экологических параметров всех видов коммуникации. В любом случае, все люди общаются текстами. И сами люди являются текстами, и каждый предмет окружающего их мира тоже является текстом. Отсюда и значимость проблемы «экология текста». Возникает вопрос о достоверности современных суждений о фактах, событиях, деяниях прошлых эпох. И как же тут быть с экологичностью и ее ориентирами? Попробуем найти ответы у М.Н. Эпштейна.

Диалог с М.Н. Эпштейном

Существует большой набор комбинаций с языковым знаком «белый». Приведу некоторые из них: *белое пятно*, т.е. контраст с окружением; *пустота*, *пятна в знаниях*, т.е. неизвестное; *пятна на карте*, т.е. неоткрытое; *пятна в памяти / душе*, *белый фон*, *белый цвет*, «*Белый, белый пароход*», *белая стена*, «*Белые одежды*», *белые тапочки*, *белая зависть*, *белый снег*, *белый венчик*, *Андрей Белый*, *белые и красные*, *белый флаг*, *белая зарплата*, *белый конверт*, *белая раса* и и др. Данные примеры свидетельствуют не о нулевой информации, а о специфической интерпретацией белизны субъективными читателями. И это совершенно не значит, что белые пятна в тексте всегда экологичны, они могут нести и неэкологичную смысловую нагрузку, неравнозначную для восприятия. Поэтому вопрос о чистоте экологии одного и того же текста или всех текстов определенного писателя не всегда однозначен для разных реципиентов.

Перейдём к диалогу с М.Н. Эпштейном.

«Эпштейн (Э): Борхес – образец экологически чистого писателя.

Шаховский (Ш): “ ” – экологичен? Количество печатной площади увеличивается, а значит, растёт и семиотическая пустота: о каком же сокращении, клиповости восприятия может идти речь? У Борхеса есть пробелы “ ” между словами, предложениями, главами, рассказами, но нет пустых страниц. У его текстов имеются только белые поля. А у других авторов встречаются звёздочки вместо текста в книге и последующее пустое

пространство, как, например, в “Евгении Онегине” у А.С. Пушкина. Являются ли белыми пятнами: “запикивание” нецензурщины в песнях, речах, поэзии; цензирование запретных слов *протест*, *Навальный* и т.п.; вырезанные кадры из фильмов или незавершённое предложение в печатной продукции и невысказанные предложения в общении (стилистический приём умолчания)? Видимо, всё перечисленное значительно расширяет понимание функционала “ ”.

- Э: Различаются тексты, сохраняющие невысказанность, и тексты, выбалтывающие все до конца.

- Ш: Что лучше – невысказанность (молчание) или высказанность (слова и невербемы)?

- Э: Информационный мусор не потребляется вообще, ..., текст, который заведомо мусорен, но фактически не является таковым.

- Ш: Да, один мусор заменяется другим, фэйковым, но человек автоматически потребляет, иногда использует, а его смыслы инфицируют память человека и влияют на восприятие очередного мусора / немусора - сразу не определить. Мусор избыточен. Само слово «мусор» в последние годы эмоционально перегружено, т.к. ассоциативно (например, *Шиес*, *сортировка мусора.*, *антимусорные протесты*, *мусорные короли* и др).

В 20-х годах нынешнего столетия понятие “фейковая информация” раздвоилась: действительный фейк и объективная, правдивая информация, объявленная фейком и преследуемая уголовно. Результатом такого раздвоения фейковости является удвоение замусоренности информационного пространства с целью запутывания потребителя информации и с целью создания сбитого фокуса восприятия информации. Это пропагандистский трюк, который нарушает экологию менталитета и экологию реагирования.

- Э: Важным коэффициентом является время, необходимое для опознания ненужности текста.

- Ш: СМАП (средства массовой информации и пропаганды) зачастую используют именно этот приём. А так как времени, на декодирование информационного мусора всегда не хватает, из-за его беспрерывного потока, наложения, нагромождения в мусорные свалки, которые начинают зловонить и в прямом, и в переносном смысле, то здесь уже не до белизны и не до экологичности. И, конечно же, неэкологичен сам факт десемиотизации и недесемиотизации мусорной информации. Информационная функция языка в данных случаях дает сбой и перебои. Особенно учитывая современную распространенность клипового мышления, когда схватываются ключевые слова без их осмысления и распремечивания.

- Э: Жизнь языка никогда не бывает столь полной и захватывающей, как на грани десемиотизации в момент разрыва семиотической цепи и обретения точного имени, когда само явление выступает как знак самого себя.

- Ш: А по-моему, “ ” не десемиотизирует, а семантизирует — выполняет функцию «linking» и смыслодополняющую функцию (Шаховский, 2020б). В современном социуме и в языке происходит бурный процесс десемиотизации и появления неосемиотики, которая не успевает осмысляться, осваиваться, что увеличивает неточность, провоцирует неэкологичные эмоции, деформирующие коммуникативную личность в условиях новой реальности, новой нормальности и новой этики. К последним сущностям человек, которому присуща инерция, не может никак привыкнуть и поэтому не может попасть в обиход этих реальностей и чувствует себя дискомфортно, т.е. не экологично. И всё это потому, что новая Человеческая сфера является неэкологичным текстом.

- Э: А я различаю семиотизацию реальности и десемиотизацию языка.

- Ш: Наложение текстов, их умножение загрязняет имеющиеся языковые семиотические знаки; чистить эту грязь – задача экологии текста.

Примером чистоты текста, внешней по форме или внутренней по смыслу является, например, “Евгений Онегин” А.С. Пушкина. Это убедительно доказывает исследование, проведённое А.В. Минкиным (Минкин, 2020). Интересно, может ли Устав ООН быть примером такой чистоты для всех его пользователей? Известно, что он считается аутентичным в переводах на все языки стран-членов ООН.

Однако лингвоэкологи считают, что все тексты грязноваты, т.к. они референтны событиям, фактам, личностям, которые всегда неоднозначны из-за их ксено-культурных контекстов их погружения. Полная коллективная идентификация в настоящее время невозможна, т.к. доминируют индивидуальности и их индивидуальные идентификации. Попытки, например, сколотить “новую (советскую) общность” людей не увенчались успехом. А вот фашистской идеологии удалось сплотить разношерстную немецкую разобщенность в единую коллективную идентификацию: высшая раса.

Все предыдущие тексты помогают понять последующие: есть мнение, что новых текстов не создаётся, все тексты уже созданы, а “новые” – это лишь их пересказ, интерпретация и реинтерпретация / репрезентация в новых ситуациях экологичности. Все существующие на Земле тексты интертекстуальны: несколько вариантов Библии, многие интерпретации прошлых художественных произведений при новых переизданиях. Примеры: новые интерпретации “Евгения Онегина”, “Чайки”, “Вишнёвого сада” в театроведческих исследованиях А.В. Минкина.

- Э: Речь идет не о том, чтобы прекратить производство текстов, а о том, чтобы сделать чистым само это производство. Как писал Борис Пастернак, “естественно стремиться к чистоте”. Предмет экологии – не природа как таковая, а природа в качестве среды человеческого обитания.
- Ш: Но ведь тексты тоже входят в среду обитания человека, т.к. он живёт среди мириады текстов, которые создают текстовую среду, как

социальный компонент природной среды. Есть экология природы, языка, человека, его текстов, их эмоций. А эмоции человека и художественных текстов могут иметь или терапевтический, или деструктивный характер (Шаховский, 2017). Л.Н. Толстой неоднократно отмечал, что вся художественная литература служит главной цели – эмоциональному воспитанию человека. Повторю: я различаю Природосферу, Человеческую сферу и Текстовую сферу. Во всех случаях в центре исследовательской тематики современной науки стоит проблема их экологической чистоты, так как от нее зависит качество жизни человека и его здоровье.

- Э: Восприятие есть актуализация внутри сознания (письма, речи, действия), предваряющих его и внеположных ему условий (чистоты, безмолвия, покоя). В экологическом смысле восприятие не есть просто возврат к природе, что было бы разрушительно для культуры, а поступательное движение культуры, спасающей природу в себе и для себя.

- Ш: Согласен, т.к. “Назад к природе”, по-моему, как дозированное средство может иметь восстановительную / терапевтическую функцию, особенно в медитации. Отсюда огромная роль собственно медитативных текстов или текстов различных жанров, имитирующих медитативные тексты (молитвы, мантры, настойчиво повторяемые одни и те же рекламные тексты, некоторые поэтические и мн.др. манипулятивно-имитационно-симуляционного характера)».

Однако замечу: после того, что человек сделал с природой, на что настойчиво обращает внимание всего человечества Грета Тунберг, вряд ли призыв Ж. Ж. Руссо целесообразен этой новой реальности, ибо природа тоже стала неэкологичной благодаря рукотворчеству человека, рубящего сук, на котором он сидит. Итак, к какой же природе назад?

Заключение

Проанализировав историю понятия «экология» и расширение его предмета, сочетание с другими науками и, особенно, с лингвистикой,

неизбежен вывод о том, что общение людей друг с другом во всех его разновидностях (межличностное, групповое, институциональное) во всех многоликостях коммуникативных сред дифференцируется по экологичности и неэкологичности в различной их градации качества и его глубины. К сожалению, многие СМИ подают пример неэкологичного общения, которое, естественно, подхватывается и усиливается всеми соцсетями и обиходной коммуникацией. Отсюда серьезность неэкологического, антитерапевтического (по современной терминологии, токсичного) общения.

Именно поэтому внимание М.Н. Эпштейна к проблеме экологии текста не случайное, а закономерное. Как большого и настоящего ученого его обеспокоили не только лингвистические проблемы общения людей текстами, но и здравоохранительные, этические и социальные. Он привлекает внимание всей мировой общественности к здравоохранительной функции текстов общения, приравнивая ее к природоохранительной функции. В этом мы видим актуальность анализируемой в статье проблемы экологии текста, прежде всего, экологии общения текстами, поскольку под текстами понимаются и слово, и словосочетание, и ФЕ, и предложения, абзац, раздел, вся книга / статья, все печатные и непечатные тексты мира, а также все объекты, окружающие человека среды, в том числе и рукотворные. То есть человек живет среди текстов, сам являясь текстом и, следовательно, можно говорить об экологии Текстосферы. Получается, что поднятая Эпштейном проблема упирается в экологическую культуру и в экологию культуры, или в экологию культуры вообще, и экологию культуры общения, в частности.

Как мне кажется, М.Н. Эпштейн все-таки не дает ответ на интересующий нас вопрос. А он очень существенен для правильного понимания экологических ниш прошлых событий, особенно в поиске исторической правды, которая в современную эпоху представляется крайне противоречивой: от попыток написать общий учебник по истории, до объявления истории фейковыми

рассказами. О какой же экологии текста, тем более с такими белыми пятнами, может идти речь.

Социальная значимость обсуждаемой здесь проблемы заключается в том, что единство экологии общения может привести к коллективной идентификации, к коллективному сознательному и коллективному бессознательному во всей жизнедеятельности человека. Я понимаю всю идеалистичность данного предположения, но считаю, что как любой человек, так и общество должно ставить перед собой трудновыполнимые задачи и стремиться к их выполнению. Особенно это касается глобальных остросюжетных бед, типа сегодняшней пандемии, в ситуации которой человечество просто обязано объединиться в единый коллектив. Индивидуальной идентификацией пандемию не победить: необходима коллективная экология всего и, прежде всего, в общении. А общаются и человек, и государство через тексты: вербальные и невербальные.

Конечно же, особое место во всех процессах экологизации культуры в самом широком смысле слова занимают человеческие эмоции, которые руководят всею деятельностью и человека, и всех стран мира. Это объясняет необходимость в гражданском обществе поднимать и решать проблему экологии эмоций, особенно в эмоциональном, речевом и акциональном поведении человека.

Экологическая функция языка тесно взаимодействует с экологией человека говорящего и его эмоциональным пространством, т.к. и у среды обитания, и у человека неотъемлемыми являются эмоции. Особенно, данный вывод относится к информационному мусору, которым заполнены и СМИ, и социальные сети с явным доминированием негативной психоэмоциональной стилистики.

Мой диалог с М.Н. Эпштейном, к сожалению, виртуален из-за отсутствия технической возможности прямо пообщаться с ним. Но, возможно, поднятые в этом диалоге вопросы, заинтересуют читателей данного журнала и

послужат толчком для дальнейших исследований по экологии текста, принимая во внимание широкое его понимание.

Нельзя согласиться с В. Пелевиным, который утверждает, что если для чего-то не существует слова, «то, для чего нет слова, для 99,99% людей не существует вообще» (Пелевин, 2013). Для слова экология совсем наоборот и оно часто используется всуе, но почти для большинства людей его референта якобы нет. И поэтому сам референт иногда игнорируется. Что же касается второй мысли В. Пелевина: «Никаких философских проблем нет, есть только анфилада лингвистических тупиков, вызванных неспособностью языка отразить истину» (Пелевин, 2015), то замечу, что и тут я с ним не согласен. Ибо анфилада проблем, действительно, существует, но экология общения является вершинной, центральной проблемой всех проблем: без ее решения нет смысла ни в одной другой проблеме. Экологическая проблема – это самый серьезный вызов Природосферы всем научным достижениям человечества.

Итак, термин «экология» в лингвистике и благодаря ней за её пределами получил расширительное толкование и применение. В частности, в статье и проанализированы различные сферы экологии. В том числе и экологии текста, и экологии языка, и экологии человека. Человека как объекта реального мира и человека как текста. Вот почему в статье поднимается вопрос об экологии Природосферы, Языкосферы, Текстосферы и Человекосферы.

Главная мысль моего исследования: через Экологию к человеческому единению во всех сферах его деятельности. В этом я вижу экологическую универсалию человечества и приведение его к единому смыслу разумного сосуществования.

Ссылки – References in Russian

Бразерс, 1993 – *Бразерс Д.* Что каждая женщина должна знать о мужчинах. – М.: Автор, 1993. – 272 с.

Гагаев, 1991 – *Гагаев А.А.* Теория и методология субстратного подхода в материалистической диалектике. – Саранск: Изд-во Морд. ГУ, 1991. – 308 с.

Гагаев, 1994 – *Гагаев А.А.* Теория и методология субстратного подхода в научном познании: К вопросу о понятии «субстрат» в классической, неклассической, постнеклассической науке и метафизике. – Саранск: Изд-во Морд. ГУ, 1994. – 48 с.

Головин, 1988 – *Головин Б.Н.* Как говорить правильно: Заметки о культуре рус. речи. 3-е изд. – М.: Высш шк., 1988. – 159 с.

Иомдин Б. Говорим по-русски. Радио-альманах // [Электронный ресурс]. URL: <https://echo.msk.ru/sounds/2416159.html> (дата обращения: 7.08.2020).

Каган, 1991 – *Каган В.Е.* Воспитателю о сексологии. – М.: Педагогика, 1991. – 256 с.

Кривоносов, 1986 – *Кривоносов А.Т.* Лингвистика текста // Вопр. языкознания. – № 6. – 1986.

Минкин, 2020 – *Минкин А.В.* Немой Онегин. – М.: Проспект, 2020. – 560 с.

Новиков, 2007 – *Новиков А.И.* Текст и его смысловые доминанты. – М.: Институт языкознания РАН, 2007. – 224 с.

Лихачев, 2000 – *Лихачев Д. С.* Русская культура. – М.: Искусство, 2000 – 438 с.

Пелевин, 2015 – *Пелевин В.* Священная книга оборотня. – М.: Издательство Эксмо, 2015 – 384 с.

Пелевин В. Бэтман Аполло. – М.: Издательство Эксмо, 2013. – 512 с.

Познер В. Гость Татьяна Черниговская. Выпуск от 25.04.2016. // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=SU3nhYVEGt0> (дата обращения: 10.03.2020).

Пузырев, 1995 – *Пузырев А.В.* Анаграммы как явление языка: Опыт системного осмысления. – М.: Пенза: Ин-т языкознания РАН; ПГПУ им. В.Г.Белинского, 1995 – 378 с.

Пузырев, 2020 – *Пузырев А.В.* Женщина как многослойный текст // [Электронный ресурс] URL: <http://puzurev-a-v.ru/?q=content/женщина-как-многослойный-текст> (дата обращения 4.04.2020).

Образы языка и зигзаги дискурса. Сборник научных статей к 70-летию В.З. Демьянкова, 2018 – *Отв.ред. В.В. Феценко. Ред.колл.: И.В. Зыкова, О.В. Соколова, М.А. Тарасова.* – М.: Культурная революция, 2018. – 564 с.

Материалы рабочего совещания в секторе психолингвистики и теории коммуникации Института языкознания РАН, 2000 – *Материалы рабочего совещания в секторе психолингвистики и теории коммуникации Института языкознания РАН* (Москва, 5 января 2000г.). – М.: Диалог МГУ, 2000. – С. 32–37.

Сиротинина, 2000 – *Сиротинина О.Б.* Хорошая речь: сдвиги в представлении об эталоне // *Активные языковые процессы конца XX века*, 2000. – С. 151–152.

Священная книга Тота: Великие арканы Таро, 1916 – *Священная книга Тота: Великие арканы Таро. Абсолютные начала синтетической философии Эзотеризма / Опыт комментария Владимира Шмакова.* – М.: 1916. – 510 с.

Сорокин, 1998 – *Сорокин Ю.А.* Что же такое, в конце концов, «лингвистика текста» // В.И. Шаховский В.И, Ю.А. Сорокин, И.В. Томашева. – Волгоград: Перемена, 1998. – С. 120–121.

Толстой, 1985 – *Толстой Л.Н.* Дневники 1847-1894 // Л.Н.Толстой. Собрание сочинений: В 22-х т. Т. 21. – М.: 1985. – 575 с.

Сигал, 2016 – *Сигал К. Я.* Человек как текст: вспоминая Ю. А. Сорокина [Электронный ресурс] // *Вопросы психолингвистики.* – №3 (29). – 2016. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovek-kak-tekst-vspominaya-yu-a-sorokina> (дата обращения: 14.07.2020).

Шаховский, 2017 – *Шаховский В.И.* Триада экологий – человек, язык, эмоции – в современной коммуникативной практике [Электронный ресурс]. Волгоград: «Перемена», 2017. – 359 с. URL: <http://www.iprbookshop.ru/58327>. (дата обращения: 14.07.2020).

Шаховский, 2019 – *Шаховский В.И.* Современные СМИ: Ответственность журналиста // Экология языка и коммуникативная практика, 2019, № 1. – С. 1–12.

Шаховский 2020а – *Шаховский В.И.* Взаимодействие коммуникативных сред в естественной коммуникации // Казанский лингвистический журнал. 2020. Т. 3. №1. С 113-134.

Шаховский, 2020б – *Шаховский В.И.* Семиотика пробела / пустоты / белого пятна в СМИ-дискурсе [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2020, № 2. – С. 21–45. Режим доступа: <http://www.tverlingua.ru>

Фрейд, 1989а – *Фрейд З.* Введение в психоанализ: Лекции / Авторы очерка о Фрейде Ф.В.Бассин и М.Г.Ярошевский. – М.: Наука, 1989а. – 456 с.

Фрейд, 1989б – *Фрейд З.* Психология бессознательного: Сб. произведений / Сост., науч. ред., авт. вступ. ст. М.Г. Ярошевский. – М.: Просвещение, 1989б. – 448 с.

Эко, 1988 – *Эко У.* Имя розы / У. Эко // Иностранная литература, 1988, № 8. – С. 3–88.

Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: кол. моногр. / проф. В.И. Шаховский (ред). – Волгоград: Изд-во ВГСПУ "Перемена", 2013. – 450 с.

Эпштейн, 1997 – *Эпштейн М.Н.* наброски к экологии текста // Журнал Комментарии, 1997, № 13. – С. 3–41.

Эпштейн, 2005 – *Эпштейн М. Н.* Тело на перекрестке времён. К философии осязания Текст / М. Эпштейн // Вопросы философии, 2005, № 8. – С. 66–82.

References

- Brazers, D. (2015) *What every woman should know about men*, M., Avtor, 272 p. (in Russian)
- Eko, U. (1988) The name of the Rose // *Inostrannaya literature*, No 8, pp. 3–88. (in Russian)
- Emotive linguoecology in the modern communicative space* (2013) / V.I. Shakhovsky, Volgograd, VGSPU "Peremena", 450 p. (in Russian)
- Epstein, M.N. (1997) Outline for the ecology of the text // *Zhurnal Kommentarii*, No 13, pp. 3–41. (in Russian)
- Epstein, M. N. (2000) A body at the crossroads of time. To the philosophy of touch Text // *Voprosy filosofi*, No. 8 pp. 66–82. (in Russian)
- Freyd, Z. (1989a) *Introduction to psychoanalysis: Lectures*, M., Nauka, 456 p. (in Russian).
- Freyd, Z. (1989b) *Psychology of the unconscious: a Collection of works*. M., Prosveshcheniye, 448 p. (in Russian)
- Gagayev, A.A. (1991) *Theory and methodology of the substrate approach in materialistic dialectics*. Saransk, Izd-vo Mord. GU, 308 p. (in Russian)
- Gagayev, A.A. (1994) *Theory and methodology of the substrate approach in scientific knowledge: To the question of the concept of "substrate" in classical, non-classical, post-non-classical science and metaphysics*, Saransk, Izd-vo Mord. GU, 48 p. (in Russian)
- Golovin, B.N. (1988) *How to speak correctly: Notes on the culture of Russian speech*. M., Vyssh. shk., 159 p. (in Russian)
- Images of language and zigzags of discourse. Collection of scientific articles for the 70th anniversary of V. Z. Demyankov* (2018) / otv.red. V.V. Feshchenko. Red.koll.: I.V. Zykova, O.V. Sokolova, M.A. Tarasova, M., Kulturnaya revolyutsiya, 564 p. (in Russian)

Iomdin, B. *We speak Russian. Radio almanac*. [Electronic resource] URL: <https://echo.msk.ru/sounds/2416159.html> (accessed: 07.08.2020) (in Russian)

Kagan, V.E. (1991) *Educator about sexology*, M., Pedagogika, 256 p. (in Russian)

Krivososov, A.T. (1986) Text linguistics. // *Vopr. yazykoznaniiy*. No 6. (in Russian)

Likhachev, D. S. (2000) *Russian culture*, M., Iskusstvo, 438 p. (in Russian)

Materials of the workshop in the sector of psycholinguistics and communication theory of the Institute of linguistics of the Russian Academy of Sciences (2000), M., Dialog MGU, pp. 32–37. (in Russian)

Minkin, A.V. (2020) *Mute Onegin*, M., Prospekt, 560 p. (in Russian)

Moir, A., Jessel, D. (1991) Brain Sex: The real difference between men and women // *Washington Post*, May 5.

Novikov, A.I. (2007) *Text and its semantic dominants*, M., Institut yazykoznaniiya RAN, 224 p. (in Russian).

Pelevin, V. (2013) *Batman Apollo*, M., Izdatel'stvo Eksmo, 512 p. (in Russian)

Pelevin, V. (2015) *The Holy book of the werewolf*, M., Izdatel'stvo Eksmo, 384 p. (in Russian)

Pozner, V. (2016) *The Guest is Tatiana Chernigovskaya*. Live 25.04.2016. [Electronic resource] URL: <https://www.youtube.com/watch?v=SU3nhYVEGt0> (accessed date: 10.03.2020)

Puzyrev, A.V. (1995) *Anagrams as a phenomenon of language: Experience of system understanding*, M., Penza: In-t yazykoznaniiya RAN; PGPU im. V.G.Belinskogo, 378 p. (in Russian)

Puzyrev, A.V. *Woman as a multi-layered text*, [Electronic resource] URL: <http://puzyrev-a-v.ru/?q=content/женщина-как-многослойный-текст> (accessed date: 04.04.2020).

Shakhovsky, V.I. (2017) *Triad of ecologies-human, language, emotions-in modern communication practice*, Volgograd, Peremena, 359 p. [Electronic resource] URL: <http://www.iprbookshop.ru/58327> (accessed date:14.07.2020) (in Russian)

Shakhovsky, V. I. (2019) Modern mass media: responsibility of a journalist // *Ecology of language and communication practice*, Vol.1., pp. 1–12 (in Russian)

Shakhovsky, V.I. (2020) Interaction of communication media in natural communication // *Kazanskiy lingvisticheskiy zhurnal*, Vol. 3, no 1, pp. 113–134. (in Russian)

Shakhovsky, V.I. (2020) Semiotics of the gap / void / white spot in media discourse [Electronic resource] // *World of linguistics and communication: electronic scientific journal*. No. 2. P. 21–45. Access mode: www.tverlingua.ru (in Russian)

Sigal, K. Ya. (2016) Human as a text: Yu. A. Sorokin's memories // *Voprosy psikholingvistiki*, No. 3 (29). [Electronic resource] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovek-kak-tekst-vspominaya-yu-a-sorokina> (accessed date: 14.07.2020) (in Russian)

Sirotinina, O.B. (2000) Good speech: shifts in the idea of the standard // *Aktivnyye yazykovyye protsessy kontsa XX veka*, pp. 151–152. (in Russian)

Sorokin, Yu.A. (1988) *What is, in the end, "linguistics of the text"* // V.I. Shakhovsky V.I, Yu.A. Sorokin, I.V. Tomasheva. Volgograd, Peremena, pp. 120–121. (in Russian)

The Holy book of Thoth: the Great Arcana of the Tarot. Absolute principles of the synthetic philosophy of Esotericism (1916) // *Opyt kommentariya Vladimira Shmakova*, M., 510 p. (in Russian).

Tolstoy, L.N. (1985) Diaries of 1847-1894. // *Sobraniye sochineniy 22 volumes, Vol. 21*, M., 575 p. (in Russian)